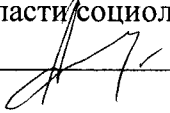

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»
(СПбГУ)

ЕД-134043/Ф от 27.04.2024

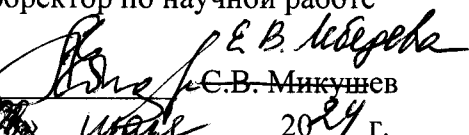
СОГЛАСОВАНО

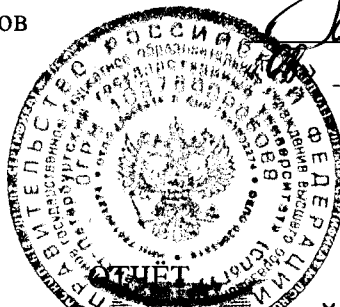
Председатель научной комиссии
в области социологических наук

 Ю.В. Асочаков

УТВЕРЖДАЮ

 Проректор по научной работе

 С.В. Микунев
2024 г.

О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ,
выполненной в соответствии с техническим заданием

ЕД-134043/Ф от 27.04.2024

по теме

«Анализ причин формирования и организации современных
миграционных потоков из Республики Узбекистан в г. Санкт-Петербург»

Руководитель проекта

П.П. Лисицын

Исполнитель

М.Л. Ни

Санкт-Петербург

2024

РЕФЕРАТ

Отчет 14 с., 5 источников.

Ключевые слова: МИГРАЦИЯ, КУМУЛЯТИВНАЯ КАУЗАЛЬНОСТЬ, ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО РАЗВИТИЯ, КОЭФФИЦИЕНТ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ МИГРАЦИИ, МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ, СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Настоящее исследование преследует достижение трех целей:

Первая заключается в фиксации и анализе социальных характеристик участников миграционных потоков из Республики Узбекистан в г. Санкт-Петербург. Вторая, в определении параметров социальной структуры миграции из Республики Узбекистан в г. Санкт-Петербург. Третья, в применении «коэффициента распространенности миграции» для характеристики современных миграционных потоков из Республики Узбекистан в г. Санкт-Петербург.

Актуальность проекта связана с эмпирически фиксируемыми изменениями в формировании и организации современных миграционных потоков из стран Центральной Азии в Россию. В частности, эмпирические исследования показывают изменения в количестве мигрантов среди женщин и детей, изменения в классовых и профессиональных характеристиках мигрантов, в количестве и типах пунктов назначения миграции. Данные изменения требуют от современных исследователей, с одной стороны, обновления данных эмпирического характера о миграции, с другой стороны, с необходимостью обновления подходов к их теоретическому осмыслению.

Гипотеза исследования заключается в том, что увеличивающееся разнообразие в характеристиках (гендер, возраст, класс, образование и пр.) участников миграционных потоков из Республики Узбекистан в г. Санкт-Петербург вызвано растущим региональным различием в плотности и характеристиках социальных сетей мигрантов в Республике Узбекистан. Под социальной сетью в настоящем исследовании понимается совокупность межличностных связей, объединяющих бывших мигрантов, мигрантов и не-мигрантов в районах происхождения и назначения, посредством родства, дружбы и общего происхождения (Д. Мэсси).

Проверка гипотезы определяет повизну исследования, которая заключается в адаптации теоретико-методологического инструментария, развитого на материалах исследований других регионов мира, на постсоветском пространстве. Несмотря на то, что отдельные положения европейских и североамериканских теорий (в особенности

антропологических исследований транснационализма), применялись для исследований постсоветской миграции, систематическое приложение собственно социологических теорий транснациональной миграции к анализу миграции из Центральной Азии в Россию не проводилось.

Эмпирическое исследование будет организовано в три этапа.

Первый этап, - на основании статистических данных о республике Узбекистан, будут проанализированы социально-демографические характеристики миграционных потоков из Узбекистана в Россию. Анализ будет основан на концепции «кумулятивной каузальности», предложенной Д. Мэсси. На этом этапе будут выделены три региона с наиболее различными характеристиками (design of the most different systems) — как в отношении распространенности миграции в Россию среди трудоспособного населения, так и в отношении типа поселения (город-село). Последнее является важным для определения характера социальных сетей, которые используются для миграции.

Второй этап предполагает сбор качественных данных о мигрантах из выделенных регионов в г. Санкт-Петербурге. На данном этапе исследование предполагает анализ: а) социо-демографических характеристик мигрантов; б) характера их транснациональных практик; в) стратегий культурной и экономической интеграции; г) стратегий легализации. При этом предполагается сравнительное исследование мигрантов из трех регионов, выделенных на первом этапе.

На третьем этапе реализации проекта будут соотнесены результаты, полученные на первых двух этапах. Это позволит проверить исходную гипотезу и ответить на вопрос: связаны ли различия в стратегиях и практиках мигрантов с характеристиками их социальных сетей в стране исхода?

Оглавление

РЕФЕРАТ	1
ВВЕДЕНИЕ	5
ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ	8
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	15
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	16

ВВЕДЕНИЕ

Научная проблема определяется двумя положениями.

Первое – как фиксируют современные исследования, на территории постсоветского пространства происходят изменения в составе и структуре миграционных потоков. Однако эти изменения не были систематически описаны и пока не нашли своего объяснения в существующих миграционных исследованиях.

Второе – для сходных процессов, наблюдаемых исследователями при анализе миграции из Мексики в США (А. Портес, Д. Мэсси), были выработаны объяснительные теории среднего уровня. Эти объяснительные модели, при должной их адаптации к анализу пост-советского пространства, выглядят перспективными как для объяснения происходящих изменений, так и для прогнозирования развития миграционных потоков в Россию из стран Центральной Азии. Вместе с тем, в современных российских исследованиях в полной мере, не существует попыток применения и адаптации этих теорий. Основой существующих теорий, требующих проверки и адаптации, служит утверждение, что в современном мире основные причины поддержания и развития миграционных процессов - это формирование транснационализма на двух уровнях: микроуровне (социальные сети мигрантов в стране/регионе исхода и стране/регионе прибытия) и макроуровне (распространение торговых, информационных и производственных связей между регионами). Проверка этого утверждения для миграции из Республики Узбекистан в г. Санкт-Петербург и является научной проблемой исследования.

Научная значимость и актуальность исследования определяется характером дискуссий в рамках миграционных теорий XX-XI века по вопросам: а) причин существования, поддержания и увеличения темпов распространённости миграции; б) влияния на миграционные потоки факторов макро- и микроуровня; в) оснований для выбора мигрантами интегративных стратегий на принимающей территории. Миграционные теории Д. Мэсси и А. Портеса, адаптация и проверка которых предполагается в рамках настоящего исследования, находятся на «переднем краю» этих дискуссий.

Кроме того, анализ качественных характеристик мигрантов из Республики Узбекистан в г. Санкт-Петербурге позволит дополнить и тестировать объяснительные модели вхождения мигрантов на рынок труда принимающего общества. В частности, предполагается проверка концепции «эффекта колеи» (path dependence - в трактовке

Wassink, Massey, 2022) , проверка теории сегментированного (двойного) рынка труда, а также новейших дополнений этой теории, включающих в себя рассмотрение транснациональных практик и анклавности как инструментов эффективного применения человеческого капитала на новой территории.

Таким образом, настоящий проект поддерживает и вносит свой вклад в современные дискуссии о миграционных процессах как о комплексном явлении. Настоящее исследование, с одной стороны, учитывает зависимость миграции от индивидуальных реакций на события макро-уровня, а также ее общую обусловленность экономическими и политическими дисбалансами мировой системы, с другой - определяет социальные факторы в качестве важной переменной для ее анализа.

Научная новизна исследования определяется:

1. Фиксацией и методологией анализа текущих характеристик миграционных потоков из Республики Узбекистан в г. Санкт-Петербург.

2. Разработкой и эмпирическом тестировании методологии сбора и анализа данных о миграционных процессах, основанной на работах современных исследователей международной миграции (Д. Мэсси, А. Портес, С. Кастлс).

3. Попыткой создания объяснительной модели для фиксируемых изменений в социально-демографических характеристиках мигрантов из Центральной Азии в России.

4. Разработкой дизайна количественной стратегии сравнительного исследования регионов Республики Узбекистан на основе различий в «коэффициенте распространённости миграции».

5. Разработкой качественной стратегии сравнительного исследования миграционных стратегий и практик граждан республики Узбекистан в г. Санкт-Петербурге в зависимости от характеристик их социальных сетей.

Достижимость решения поставленных задач определяется: имеющимся у коллектива научным заделом и компетенциями участников проекта; дизайном сравнительного исследования, предполагающего анализ сравнимых случаев, сопоставление которых даст максимальное разнообразие релевантных характеристик; теоретическим синтезом подходов, доказавших свою эвристичность в рамках отдельных исследовательских направлений.

Вместе с тем, проект поднимает проблему, ранее не исследуемую настоящим научным коллективом. Однако имея опыт а) разработки подходов к анализу миграционных процессов и апробации миграционных теорий, транснационализма, сравнительной социологии, буферных миграционных зон, и б) использования

современных методов социологических исследований совместно с антропологическим анализом, коллектив в настоящем исследовании предполагает использование существующих наработок для разрешения ключевого вопроса: действительно ли усиление разнообразия миграционных потоков из Республики Узбекистан в г. Санкт-Петербург вызвано растущим различием в характеристиках социальных сетей мигрантов для различных территорий исхода?

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Сравнительный анализ данных трех переписей населения Северо-Западного региона России по показателям: численности, возраста, владения языком, пола на основании регионального деления

Данное исследование представляет собой Сравнительный анализ данных трех переписей населения Северо-Западного региона России по показателям: численности, возраста, владения языком, пола на основании регионального деления.

В качестве источников статистических данных были использованы результаты Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020-2021 годов. К мигрантам из Республик Средней Азии были отнесены следующие национальности: казахи, узбеки, киргизы, туркмены и таджики. В разбивке по этим национальностям проанализированы такие показатели, как

- (1) численность населения,
- (2) население по возрастным группам
- (3) население по владению русским языком.

В переписи населения в разбивке по национальностям также имеются и другие показатели (например, пол, состояние в браке, уровень образования, источник средств к существованию), однако они представлены только для наиболее многочисленных национальностей, в число которых выбранные национальности не входят. Данные показатели рассматривались на уровне субъектов Северо-Западного федерального округа, к которым относятся

- (1) Архангельская область,
- (2) Вологодская область,
- (3) Калининградская область,
- (4) Республика Карелия,
- (5) Республика Коми,
- (6) Ленинградская область,
- (7) Мурманская область,
- (8) Ненецкий автономный округ,
- (9) Новгородская область,
- (10) Псковская область
- (11) город федерального значения Санкт-Петербург.

Настоящее исследование предполагает, что на основании статистических данных, собранных о Республике Узбекистан, будут проанализированы социально-демографические характеристики миграционных потоков из Узбекистана в г. Санкт-Петербург. Анализ будет основан на концепции «кумулятивной каузальности», предложенной Д. Мэсси. На этом этапе будут выделены три региона с наиболее различными характеристиками (*design of the most different systems*) — как в отношении распространенности миграции в г. Санкт-Петербург среди трудоспособного населения, так и в отношении типа поселения (город-село). Последнее является важным для определения характера социальных сетей, которые используются для миграции.

При этом предполагается сравнительное исследование мигрантов из трех регионов, выделенных. Это позволит проверить исходную гипотезу и ответить на вопрос: связаны ли различия в стратегиях и практиках мигрантов с характеристиками их социальных сетей в стране исхода?

Кроме того, на основе анализа статистической информации будет создана методология и методика анализа, предполагающая: а) анализ данных о миграции как в стране исхода, так и в стране прибытия; б) совмещение количественных и качественных данных, что важно для анализа такого труднодоступного поля, как миграция; в) адаптация методологии «кумулятивной каузальности» для исследования миграционных процессов на постсоветском пространстве.

На основе проведенной аналитики собранных статистических данных, для отбора регионов Узбекистана будет применен дизайн исследования, предполагающий выделение наиболее различных характеристик (*design of the most different systems* — Przeworski, Teune). Этот подход, определяя сравниваемые объекты как систему, включает в себя как межкейсовые, так и внутрикейсовые сравнения, предполагая максимизацию условий и максимизацию значений зависимой переменной. То есть, в исследовании, во-первых, будут отбираться похожие случаи (поселки или города, инфраструктура, близость от границы и пр.) с различными условиями распространенности миграции (три уровня — высокий, средний, низкий). А затем, будут отбираться непохожие случаи (поселки и города, различия в удаленности от границы и инфраструктуре и пр.), но в которых наблюдаются одинаковые условия относительно распространенности миграции. Настоящий дизайн сравнительного исследования позволит, с одной стороны, превратить фоновые факторы в константы, тем самым определяя условия, которые приводят к различным результатам. А с другой стороны, позволит отбросить условия, фигурирующие во всех случаях как несущественные и требующие объяснения другими факторами.

Кроме того, статистический анализ будет применен для определения распространённости миграции для определенных регионов Республики Узбекистан, будет применен коэффициент распространённости миграции (the migration prevalence ratio — Duran, Massey). Для любого сообщества и в любой год коэффициент распространённости определяется как число людей, имеющих опыт международной миграции, деленное на общее число жителей. Это соотношение, рассчитанное для разных лет внутри сообщества, обеспечивает показатель того, насколько распространенным стал миграционный опыт в любой момент времени. Он служит показателем степени вовлеченности сообщества в миграционный процесс и позволяет сравнивать сообщества, находящиеся на разных стадиях миграционного развития. Таким образом, коэффициент распространённости частично компенсирует влияние различий в истории и сроках миграции. По сути, он стандартизирует для исследования единицы сравнения.

И наконец, настоящий анализ будет применён для для оценки зависимости стратегий мигрантов на территории Санкт-Петербурга от регионов их исхода из республики Узбекистан, будет применен а) подход «кумулятивной каузальности» (the cumulative causation of migration) и б) подход зависимости от предшествующего развития / «эффект колес» (path dependence в трактовке Wassink, Massey, 2022)

Подход «кумулятивной каузальности» предполагает, что как бы миграция не началась, на современном этапе развития она представляет собой самоподдерживающийся процесс, все меньше зависимый от внешних факторов. В основе этого лежит способность миграции, создавать социальную структуру для своего существования, что с течением времени, приводит к снижению влияния факторов, первоначально ее стимулировавших (Massey). Эта теоретическая логика предсказывает появление общих эмпирических тенденций в различных сообществах по мере того, как миграция становится все более распространенной на определенной территории. Исходя из этого, кажущееся многообразие моделей миграции, фиксируемое различными современными исследованиями на территории пост-советского пространства, может быть объяснено различными уровнями миграционной распространённости для каждого из отобранных регионов исхода. Это объясняется тем, что каждый акт миграции представляет собой совокупность необратимых изменений в индивидуальных мотивациях, социальных структурах и культурных ценностях, которые изменяют контекст, в рамках которого принимаются решения о будущей миграции. Эти изменения накапливаются с течением времени, создавая условия, повышающие вероятность дополнительной миграции.

«Эффект колес» предполагает, что предыдущий личный миграционный опыт, а также знание о чужом миграционном опыте, распространяемое через социальные сети, и закрепленное в социальной структуре миграции, влияет на выбор стратегий поведения мигрантов на принимающей территории. Под социальной сетью в настоящем исследовании понимается совокупность межличностных связей, объединяющих мигрантов, бывших мигрантов и не-мигрантов в районах происхождения и назначения, посредством родства, дружбы и общего происхождения (Massey). В данном случае, объем социальных сетей рассматривается также как разновидность социального капитала (Castles).

Численность и возрастной состав народов Республик Средней Азии в регионах Северо-Западного федерального округа

На основе собранных данных по итогам Всероссийской переписи населения за 2002, 2010 и 2020-2021 годы были составлены картографические материалы. Каждая из этих карт показывает характерные особенности возрастного состава, число жителей и уровень знаний русского языка казахов, киргизов, таджиков, туркмен и узбеков в регионах Северо-Западного федерального округа. Всероссийская перепись населения 2002 года

В 2002 году в Северо-Западном федеральном округе проживало 13 445 граждан стран Средней Азии. Самая большая численность (6 907 человек) отмечена в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

- Казахстан: 5 102 человека. Проживают преимущественно в г. Санкт-Петербурге (2 060 чел.) и Калининградской области (1 019 чел.). Самая высокая численность наблюдается в возрасте 10–19 лет. В Мурманской и Ленинградской областях процент жителей, знающих русский язык, выше, чем в остальных рассматриваемых субъектах.
- Кыргызстан: 1 716 человек. Проживают так же преимущественно в г. Санкт-Петербурге (364 чел.) и Калининградской области (206 чел.). Самая многочисленная группа — в возрасте 20–29 лет. Почти в каждом регионе процент жителей, знающих русский язык, равен 100%.
- Таджикистан: 2 371 человек, 60,6% из них проживают в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Наибольшая численность в возрасте 20–29 лет. В Новгородской области процент жителей, знающих русский язык, выше.

- Туркменистан: 761 человек, 73,6% из них проживают в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Самая многочисленная возрастная группа – 10–19 лет. Почти в каждом рассматриваемом регионе процент жителей, знающих русский язык, равен 100%.
- Узбекистан: 3 495 человек, почти половина из них (48,5%) проживает в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Наибольшая численность в возрасте 20–29 лет. В Новгородской области процент жителей, знающих русский язык, выше, чем в остальных рассматриваемых регионах.

Общая тенденция по возрастам: преобладающая возрастная группа в СЗФО по гражданам Республик Средней Азии – 20–29 лет (28,4% от общего числа граждан Республик Средней Азии в СЗФО).

Общая тенденция по знанию русского языка: почти в каждом регионе СЗФО 98–100% граждан стран Средней Азии знают русский язык.

Самая многочисленная из рассматриваемых национальностей в Северо-Западном федеральном округе – казахи.

Всероссийская перепись населения 2010 года

В 2010 году в Северо-Западном федеральном округе проживало 43 436 граждан стран Средней Азии. Самая большая численность (35 022 человек) отмечена в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

- Казахстан: 2 985 человек. Самая высокая численность наблюдалась в Санкт-Петербурге (1 823 чел.) и Калининградской области (571 чел.). Основная возрастная группа — 20–29 лет. Почти в каждом регионе процент жителей, знающих русский язык, равен 100%.
- Кыргызстан: 4 272 человека. Максимальная численность была в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (2 485 человек). Основная возрастная группа также 20–29 лет. В Мурманской области процент жителей, знающих русский язык, выше.
- Таджикистан: 11 930 человек. Самая высокая численность в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (9 934). Основная возрастная группа — 20–29 лет. В Калининградской области процент жителей, знающих русский язык, выше.
- Туркменистан: 1 185 человек. Максимальная численность так же в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (1 090). Основная возрастная группа — 20–29

лет. Почти в каждом регионе процент жителей, знающих русский язык, равен 100%.

- Узбекистан: 23 064 человека. Самая высокая численность наблюдалась в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (19 481). Основная возрастная группа — 20–29 лет. В Архангельской области процент жителей, владеющих русским языком, выше, чем в других рассматриваемых субъектах.

Граждане в возрасте 20–29 лет представляют наиболее значительную долю от общей численности каждой из рассматриваемых национальностей. В СЗФО в 2010 г. среди национальностей Республик Средней Азии больше всего проживало граждан Узбекистана.

Всероссийская перепись населения 2020-2021 годов

По итогам переписи населения 2020-2021 годов в Северо-Западном федеральном округе проживало 20 210 граждан стран Средней Азии. Самая большая численность (14 113 человек) отмечена в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

- Казахстан: 3 086 человек. Наибольшая численность наблюдалась в г. Санкт-Петербурге (1 705 чел.) и Калининградской области (604 чел.). Основная возрастная группа — 20–29 лет. В Мурманской области процент жителей, знающих русский язык, наиболее высокий.
- Кыргызстан: 2 542 человека. Наибольшая численность в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (1 640 чел.). Основная возрастная группа — 20–29 лет. В Мурманской области процент жителей, знающих русский язык, выше.
- Таджикистан: 4 725 человек. Наибольшая численность наблюдалась в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (2 985 чел.). Основная возрастная группа — 20–29 лет. В Мурманской области процент жителей, знающих русский язык, выше.
- Туркменистан: 725 человек. Наибольшая численность в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (583 чел.). Основная возрастная группа — 20–29 лет. В Мурманской области процент жителей, владеющих русским языком, выше.
- Узбекистан: 9 132 человека. Наибольшая численность в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (6768 чел.). Основная возрастная группа — 30–39 лет. В Мурманской области процент жителей, знающих русский язык, выше.

Таким образом, по итогам всероссийской переписи населения 2020-2021 годов самой многочисленной группой из исследуемых национальностей в СЗФО стали узбеки,

основная возрастная группа – 20-29 лет. Мурманская область отличается наибольшими процентами владения русским языком среди граждан Республик Средней Азии.

Анализ изменений, произошедших за период проведения Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020-2021 годов

Наибольшее число граждан Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана проживало в регионах СЗФО в 2010 году (43 436 человек). В 2010 году численность населения данной группы составляла 13 445 человек, а в 2020 году 20 210 человек. Объяснить «миграционный максимум» в 2010 году можно тем, что в России в данный период времени наблюдался экономический рост, курс рубля был высоким и стабильным, а ни о каких санкциях и санитарных ограничениях (как в 2020 году) не было и речи.

Доминирующими диаспорами в СЗФО по итогам ВПН в 2002 году являлись граждане Казахстана, в 2010 и 2020 годах граждане Узбекистана. Также в 2010 и 2020 годах в рассматриваемом федеральном округе проживало заметное количество граждан Таджикистана. Стоит отметить, что число граждан Узбекистана, проживавших в СЗФО в 2010 году (23 064 человека), превышает число граждан остальных четырех стран по состоянию на 2010 год (20 372 человека) и общее количество граждан всех Среднеазиатских Республик (включая Узбекистан) в 2002 и 2020 годах.

В 2002 году наибольшая доля граждан Среднеазиатских Республик приходилась на граждан Казахстана (38%) и Узбекистана (26%).

В 2010 году большинство уже составляли граждане Узбекистана (53%). Заметно снизилась доля граждан Казахстана (с 38% до 7 %). Граждане Туркменистана продолжили составлять меньшинство с долей всего в 3%.

В 2020 году на лидирующей позиции продолжили оставаться граждане Узбекистана, однако процентное соотношение изменилось, теперь доля граждан Узбекистана составляет 45 % против 53% в 2010 году. Доля граждан Таджикистана так же продолжает оставаться на высоком уровне, однако она снизилась с 27% до 23%. Граждане Туркменистана продолжили составлять меньшинство с долей всего в 4%, что незначительно выше показателя 2010 года в 3%.

Общий уровень владения русским языком среди граждан всех пяти Среднеазиатских Республик снижался. Лучшее владение русским языком по результатам всех

трех ВПН владели граждане Туркменистана и Казахстана, а хуже всего — граждане Узбекистана и Таджикистана.

Высокий уровень владения русским языком среди граждан Казахстана объясняется наибольшей географической, культурной и исторической близостью к России. Высокий уровень владения русским языком среди граждан Туркменистана можно объяснить их небольшим количеством и концентрацией расселения в пределах Петербургской агломерации (что характерно и для граждан Казахстана). Можно предположить, что сконцентрированность диаспоры исключительно вокруг меганолиса способствует активной интеграции мигрантов в культурную и языковую среду

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования достигнуты следующие результаты:

- 1) Сравнительный анализ данных трех переписей населения Северо-Западного региона России по показателям: численности, возраста, владения языком, пола на основании регионального деления
- 2) Картографическая визуализация результатов анализа трех переписей населения Северо-Западного региона России в виде картографии и текстового отчета
- 3) Разработка гайда анкеты, для трудовых мигрантов из Узбекистана в г. Санкт-Петербурге
- 4) Проведение анализа анкетного опроса мигрантов из Средней Азии в г. Санкт-Петербурге

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Castles S. (1998) Globalization and Migration: Some Pressing Contradictions. *International Social Science Journal*, vol. 50, no 156, pp. 179–186. DOI: 10.1111/1468-2451.00122
2. Castles S. (2003) Towards a Sociology of Forced Migration and Social Transformation. *Sociology*, vol. 1, no 77, pp. 13–34. DOI: 10.1177/0038038503037001384
3. Castles S. (2004) The Factors that Make and Unmake Migration Policies. *International Migration Review*, vol. 3, no 38, pp. 852–884. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00222.x
4. Castles S. (2009) Development and Migration-migration and Development: What Comes First? Global Perspective and African Experiences // *Theoria*, vol. 56, no 112, pp. 1–31. DOI: 10.3167/th.2009.5512102
5. Castles S. (2010) Understanding Global Migration: A Social Transformation Perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 10, no 36, pp. 1565–1586. DOI: 10.1080/1369183X.2010.489381
6. Massey D. (1999) Why Does Immigration Occur! A Theoretical Synthesis. *The Handbook of International Migration: The American Experience*, pp. 34–52. Available at: https://eportfolios.macaulay.cuny.edu/pony2014shama/files/2014/02/Kaczmarczyk_Reading-1.pdf, accessed 15.10.2023.
7. Massey D. (2002) A Brief History of Human Society: The Origin and Role of Emotion in Social Life, 2001 Presidential Address. *American Sociological Review*, vol. 67, pp. 1–29. Available at: https://www.asanet.org/wp-content/uploads/2001_asa_presidential_address_massey_0.pdf, accessed 15.10.2023.
8. Massey D. (2003) Patterns and Processes of International Migration in the 21st Century. *Conference on African Migration in Comparative Perspective*, pp. 1–41.
9. Massey D. (2004) Social and Economic Aspects of Immigration. *New York Academy of Sciences*, vol. 1038, pp. 206–212. DOI: 10.1196/annals.1315.028
10. Massey D., Akresh I. (2006) Immigrant Intentions and Mobility in a Global Economy: The Attitudes and Behavior of Recently Arrived U.S. Immigrants. *Social Science Quarterly*, vol. 87, pp. 954–971. DOI: 10.1111/j.1540-6237.2006.00410.x
11. Portes A. (2001) Introduction: The Debates and Significance of Immigrant Transnationalism. *Global Networks*, vol. 1, no 3, pp. 181–194. DOI: 10.1111/1471-0374.00012

12. Portes A. (2003) Conclusion: Theoretical Convergencies and Empirical Evidence in the Study of Immigrant Transnationalism. *International Migration Review*, vol. 3, no 37, pp. 874–892. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2003.tb00161.x
13. Portes A. (2010) Migration and Social Change: Some Conceptual Reflections. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 10, no 36, pp. 1537–1563. Available at: <https://www.migrationinstitute.org/files/events/portes.pdf>, accessed 15.10.2023.
14. Portes A., Böröcz J. (1989) Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on Its Determinants and Modes of Incorporation. *International Migration Review*, vol. 3, no 23, pp. 606–630. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2546431?typeAccessWorkflow=login>, accessed 15.10.2023.